

УДК 808.53

ББК Ш7

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.01

С. А. Громыко
Вологда, Россия

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

**ЯЗЫК РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА:
СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПАРЛАМЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**LANGUAGE OF RUSSIAN PARLIAMENT:
COMING INTO BEING OF RUSSIAN
PARLIAMENTARY COMMUNICATION IN THE
BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Аннотация. Рассматриваются особенности отечественной парламентской коммуникации начала XX в. (на примере I и II Государственной думы). Парламентский дискурс трактуется как институциональный. В аспекте их дискуссионной составляющей анализируются речи депутатов Государственной думы. В качестве специфических черт парламентской коммуникации начала XX в. указываются сословные дискурсные формации, митинговость, ключевая роль речевой агрессии, нацеленность депутатов на скрупулезное формулирование политической повестки дня и, как следствие, доминирование публичного обсуждения власти над публичным ее осуществлением.

Abstract. The article discusses peculiarities of the Russian parliamentary communication of the beginning of the XX th century (on the example of I and II State Duma). Parliamentary discourse is considered to be institutional. In the aspect of its debatable constitutive part the speeches by deputies of the State Duma are analyzed. As the specific features of the parliamentary discourse the author singles out class debatable formations, meetingness, key role of the verbal aggression, aiming at formulating clearly the agenda by the deputies, and consequently, prevailing of public discussion of power on its public execution.

Ключевые слова: политическая коммуникация; парламентская речь; парламентская риторика; дискуссия; митинг.

Key words: political communication; parliamentary speech; parliamentary rhetoric; discussion; meeting.

Сведения об авторе: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

About the author: Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Вологодский государственный педагогический университет.

Place of employment: Vologda State Pedagogical University.

Контактная информация: 160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6.
e-mail: ling2007@yandex.ru.

Парламентская речь представляет собой важнейшую составляющую политической коммуникации современного общества. Поскольку под парламентом в самом общем смысле понимают «высший выборный законодательный орган, осуществляющий представительство основных социальных и политически активных групп населения» [Политология 1993: 240], наличие реально функционирующего парламента является одним из основных требований, предъявляемых к современному демократическому государству. Парламент призван осуществлять политический диалог, во-первых, между государством и обществом через систему народных представителей, во-вторых, между различными стратами общества (политическими, имущественными, сословными и т. п.) через депутатов, представляющих интересы данных слоев. Таким образом, можно предположить, что степень развития парламентской коммуникации (конкретнее — риторики парламентского монолога, правил и норм ведения дискуссии в парламенте, способов поиска компромиссного решения проблем) непосредственно связана с уровнем развития политического диалога в обществе.

Предметом исследования в данной статье является специфика политической коммуника-

ции в российских парламентах начала XX в. (в первую очередь в I и II Государственной думе 1906 и 1907 г. соответственно). Под политической коммуникацией мы понимаем «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 6]. Так как с 1906 г. Государственная дума являлась политическим институтом, в котором важнейшие для страны и общества решения обсуждались и принимались публично, целесообразно исследовать именно публичную парламентскую коммуникацию, оставив за скобками аппаратно-бюрократическую коммуникацию, которая, безусловно, оказывала определенное влияние на публичное принятие политических решений в Думе. В процессе анализа речевой деятельности в парламенте мы придерживаемся узкого подхода к политической коммуникации, согласно которому политический дискурс образует «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»

[Баранов 1997]. При таком подходе в область политического дискурса включаются лишь те речевые образования, которые были произведены в рамках профессиональных отношений между политиками, а именно в ситуациях официального публичного политического общения. Также мы исходим из того, что политический дискурс является институциональным. Институциональный дискурс — такой дискурс, который предполагает наличие специфических институтов его производства и распространения [Серио1999: 29]. При этом под институтами чаще всего понимают «не только такие наиболее типичные структуры, каковыми являются армия или Церковь, но и любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, это могут быть типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции» [Серио1999: 29]. Различного рода ограничения, накладываемые институтами на общение, выражаются в типичных хронотопах, символических действиях, трафаретных жанрах и речевых клише. Ведущая роль в институциональном дискурсе трафаретов и масок — принципиальное отличие институционального дискурса от персонального [Карасик 2002].

Современная публичная политическая деятельность не может осуществляться без опоры на выработанные ранее традиции, правила, рамки политической речи. Речевое поведение современных российских политиков сложно адекватно оценить без соотнесения его со сложившейся в России традицией публичного политического речевого общения. Без такого сопоставления то или иное публичное речевое действие политика не может быть истолковано как новаторское либо продолжающее традицию, имеющее деструктивную либо конструктивную направленность, стремящееся воздействовать на адресата в допустимых рамках либо манипулировать сознанием и волей адресата, в целом приемлемое либо недопустимое в традициях русской политической речи. Необходимость учитывать традиции политической речи требует более серьезной и обширной историко-филологической базы, чем та, которая существует сегодня в политической лингвистике. Представляется, что исследования, направленные на историю отечественной политической коммуникации, помогут понять особенности современного российского политического дискурса. Проводиться эти исследования должны в первую очередь в русле политической лингвистики и политической риторики — двух актуальных и взаимосвязанных дисциплин.

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Аннушкина, заметившего, что, «к сожалению, история русского политического красноречия до сих пор не написана» [Аннушкин 2006: 237]. Данное высказывание, пожалуй, в наибольшей

мере применимо к изучению русской парламентской речи: если публичные выступления отдельных выдающихся политических ораторов начала XX в., советской эпохи, рубежа XX—XXI вв. стали в последнее время объектом пристального внимания ученых, то современной парламентской речи в аспекте ее преемственности по отношению к сложившимся традициям отечественного парламентского красноречия посвящено лишь несколько работ [Баранов, Казакевич1991; Культура парламентской речи 1994]. Для более объективной и всесторонней оценки состояния современной парламентской речи и путей ее дальнейшего развития необходимы исторические исследования в данной области, прежде всего изучение особенностей речи в дореволюционных российских парламентах. Между тем история русского парламентского красноречия излагается в лучшем случае в небольших по объему главах некоторых учебных пособий по риторике [Грановская 2004; Михальская 1996].

Думская дискуссия 1906 г. ознаменовала собой рождение новой для России отрасли светского красноречия — парламентской риторики. Более того, многие специалисты в области истории риторики связывают с I Государственной думой возникновение [Аннушкин 2006] либо интенсивное развитие [Грановская 2004; Михальская 1996; Чистякова 2006] в России не только парламентского красноречия, но и устной публичной политической речи в целом. До 1906 г. в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Депутатам I Государственной думы пришлось разрешать противоречие между необходимостью участия в дискуссии и отсутствием умений и опыта ведения публичной политической дискуссии.

Установлено, что в начале XX в. устная публичная речь разных стилей и жанров получает исключительное право быть основным видом словесной культуры: расширяются ее виды и функции, возрастает аудитория [Чистякова 2006; Шейгал 2004]. Это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX в. требования российского общества к речи достаточно сильно изменились по сравнению с предыдущими этапами развития русской риторики. Демократизация институтов власти разного уровня, начатая либеральными реформами 1860—1870-х гг. (реформа земского самоуправления, городского самоуправления, судебная реформа), резко увеличила роль публичного общения, причем в самых различных сферах жизни человека. В публичную деятельность вовлекалось все больше людей из разных сословий. Умение ясно и убедительно высказывать свою точку зрения стало необходимым не только представителям высших слоев российского общества, но и мещанам, разночинцам, а поз-

же — рабочим и крестьянам. В начале XX в. в отечественной риторике наблюдается повышенный интерес к воздействующей функции речи, который отразился в риторических руководствах того времени [Громыко2005]. В 1906 г. впервые в истории России был сформирован политический институт, в котором равные возможности выражения своих позиций были предоставлены и дворянам, культура слова которых воспитывалась лучшими произведениями отечественной словесности, и рабочим, речь которых оттачивалась в производственном общении, отчасти на митингах, и представителям духовенства с их познаниями и умениями в области духовной риторики, и крестьянам, которые, казалось бы, в искусстве красноречия должны были уступать остальным депутатам. Представителям разных сословий и политических партий было необходимо наладить такое речевое взаимодействие, на основе которого мог бы состояться эффективный политический диалог.

Одна из главных черт думской коммуникации начала XX в. — **наличие сословных дискурсных формаций, их взаимопроникновение и взаимообогащение**. Парламент как инструмент идеологического, политического, социального компромисса подразумевает наличие групп с несовпадающими точками зрения на пути решения наиболее актуальных на данный момент для общества проблем. Как правило, каждая из этих групп вырабатывает свой «стиль» участия в официальной парламентской дискуссии, который кажется агентам, входящим в данную группу, наиболее приемлемым и эффективным для развертывания дискурса в нужном направлении. Таким образом, политическая и социальная борьба в парламенте обусловливает и борьбу речевых средств, используемых депутатами. Используя словосочетание «дискурсная формация», мы опираемся на М. Пешё, но с одним важным уточнением. Дискурсные формации определяют не только то, что может быть и должно быть сказано [Пешё1999], но и то, *как* это может быть и должно быть сказано с определенной позиции в данных обстоятельствах с учетом наличествующего опыта коммуникации в подобных обстоятельствах. Таким образом, главенствующую роль в объединении высказываний в одну дискурсную формацию играет не только общность идеологических позиций в широком смысле (политических, социальных или каких-либо других), не только общность темы и обстоятельств коммуникации, но и общность речевых средств, постепенно вырабатываемых речевой практикой данной группы и регулярно используемых в коммуникации.

В современном парламенте дискурсные формации выделяются чаще всего на основании идеологических, политических оппозиций. Члены «правых» и «левых» партий свои различия стремятся выразить в том числе и в языке:

при подготовке публичного выступления или даже в процессе спонтанной речи подбирается определенная лексика, фразеология, стилистика, структура всего выступления в целом. В 1906—1907 гг. в российском парламенте язык политических взглядов (не монологический, а дискуссионный, ориентированный на непосредственный официальный спор с оппонентами) еще только формировался, поэтому основные различия в способах и формах убеждения и ведения парламентского диалога носили сословный характер. В I и II Государственной думе четко выделяются крестьянская, духовная и элитарная дискурсные формации. Уровень устойчивости данных формаций постоянно снижался по причине их взаимопроникновения, и уже к III Государственной думе можно говорить о том, что постепенно на смену сословным дискурсным формациям приходят собственно политические, так как начинают выделяться черты дискуссионной речи, характерные для кадетов, членов консервативно-охранительных партий, членов партий социалистического толка. Однако сословная дискурсная формация в русском парламенте до конца себя не изжила, ее черты явственно проступают и в IV Государственной думе.

На примере духовной дискурсной формации в I Государственной думе 1906 г. можно выделить ядро коммуникативных средств депутатов-священнослужителей и периферию. В работе первого российского парламента участвовало 14 священнослужителей разных конфессий: православные священники, муллы, ксендзы, лютеранские пасторы. Все эти депутаты получили духовное образование и на протяжении длительного времени служили в своих приходах. Речь священнослужителей в Думе имеет как целый ряд общих черт, так и специфические признаки, обусловленные индивидуальным пастырским опытом, а также конфессиональными особенностями публичного выступления. Примечательно, что депутаты-священники были чуть ли не самой активной сословной группой в Думе, так как в прениях приняли участие практически все. Основу дискурсной формации духовенства составляли речи христианских священников. Все эти депутаты в качестве отправной точки для построения высказываний использовали православную проповедь: кто-то как средство примирения противоположных точек зрения, а кто-то «от противного», как способ убеждения в своей правоте, а иногда и неприкрытого эмоционального давления на аудиторию.

В поиске новых моделей дискуссионных высказываний в парламенте некоторые православные священники приходили к модификации проповеди. Например, священник Гума из Бессарабской губернии в своих речах предпочитал сохранять основные черты религиозно-проповеднического стиля. В первую очередь это проявлялось на уровне структуры выступления:

– особое этикетное приветствие, близкое к религиозному, но несколько модифицированное: *Господа, отцы и братья!* [Государственная Дума, 2: 1839];

– редуцированная вступительная часть: информационное сообщение + рассказ о церковном событии: *Здесь в Думе слышатся радость и печаль, и мир, и брань; сюда, на наше обсуждение, жизнь преподносится, как перед зеркалом, открыто, со всем тем, какой она была и остается. По белостокскому погрому скажу библейским выражением: „Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, ибо их нет“* [Государственная Дума, 2: 1839];

– объяснение: *Рахиль — не одни евреи, а мать великой семьи народов — России. Наши сограждане погибают от восстания друг на друга, оттого что мстят друг другу...* [Государственная Дума, 2: 1839];

– поучение, которое включает в себя лексику морально-этической оценки и деонтическую модальность: *Конечно, мне тяжело винить себя, а других еще тяжелее. Между тем известно, что всякое царство, где граждане идут друг против друга, разделившееся в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. Сколько погибло таким образом царств, городов, кружков, обществ и семейств... Обновлению и свободе, за которыми идут движение и живучая борьба, нужны разумность, доброта, общность интересов, уравновешенность, дальновидность, чуткость, патриотизм, выносливость ударов, объективность* [Государственная Дума, 2: 1839];

– наставление, основывающееся на различных формах побуждения: *Умоляю всех сограждан, да внимлют голосу мольбы, не единственно моей, но по крайней мере большинства, не играть впредь жизнью и смертью и на чужое не посягать... Как корабельщики на море, заметив в своем корабле образовавшуюся трещину или пробоину, спешат заделать ее, чтобы спасти судно и себя, так и мы воспрянем... не дадим погибнуть кораблю отечества с полуторастами миллионами жизней...* [Государственная Дума, 2: 1839];

– предостережение: *...если, не шагнув нравственно вперед, мы по-прежнему варварски и зверски будем друг друга угрызать и съедать, то побережемся, чтобы рано или поздно вместо мирного обновления и освобождения мы не были, как некоторые в Белостоке, истреблены друг другом* [Государственная Дума, 2: 1840];

– призыв: *Перед опасностью встанем все по призыванию и мере сил каждый на своем месте и сделаем свое дело, друг другу не мешая и друг другу помогая* [Государственная Дума, 2: 1839].

Таким образом, композиция выступления в целом соответствует типичной схеме пропове-

ди, выделенной исследователями религиозно-проповеднического стиля [Розанова 2003]. На уровне лексики в речах священника Гумы привлекает внимание большое количество церковнославянизмов, особенно тематической группы «грех»: *...от страдальческих лиц людей умилум свои сердца, чтобы из них не исходили, как Спаситель говорит, злые помыслы, убийства, кражи, грабежи, прелюбодеяния, любоддеяния, лжесвидетельства, хуления* [Государственная Дума, 2: 1839]. Высока частотность употребления союза *ибо*. Сниженная лексика не представлена вообще, за исключением слова *скот*, появление которого в смысловом контексте «божье творение» следует также признать закономерным для религиозно-проповеднического стиля: *Оглянемся, пожалеем себя, ведь мы милуем и **скотов**; увидим, что все мы от первого до последнего прежде всего люди и каждый, главное, человек* [Государственная Дума, 2: 1839]. В текстах представлены морфологические архаизмы: *Умоляю всех сограждан, да **внемлют** голосу мольбы...* [Государственная Дума, 2: 1839]. Обилие стилистически маркированных синтаксических конструкций придает речи возвышенность. Особое внимание привлекают серии распространенных риторических вопросов, которые выводят диалогические отношения в выступлении на автокоммуникативный уровень, характерный для православной проповеди XIX в. [Ипатова 2004]: *Кому завидовать в такое время? Есть ли не задыхающиеся в общей тяжелой атмосфере? Не бессилен ли тогда и суд, не освещающий скрытого во мраке и не обнаруживающий намерений сердечных, который уже погибших не спасет, от ран нанесенных не избавит, если виновных и откроет и накажет, то прочих от несчастий не обезопасит. А власть или армия — разве они одни всему виною, а не мы и наши предки? С осложнением обязанностей не в крайнем ли они затруднении защищать и защищаться?* [Государственная Дума, 2: 1839].

Речи священника Гумы содержат ряд коммуникативных особенностей, роднящих их с православными проповедями. В первую очередь необходимо сказать об установке на «отстранение говорящего от произносимого текста» [Ипатова 2004], которое подчеркивает, что оратор воспринимает себя не как автора выдвигаемых идей, а исключительно как передатчика воли и мысли Бога. Это, в частности, выражается значимым отсутствием местоимения первого лица единственного числа и использованием инклюзивного «мы», т. е. идентификацией себя с аудиторией: *Оглянемся, пожалеем себя, ведь мы милуем и **скотов**; увидим, что все мы от первого до последнего прежде всего люди и каждый, главное, человек* [Государственная Дума, 2: 1839]. Особый уровень религиозной коммуникации в проповеди создают библейские образы и символы. В анализируе-

мых речах они также присутствуют: *Рахиль, царство, город, корабль, море*. Последний символ, по наблюдению С. Н. Ипатовой, характерен для проповедей многих крупных православных священников XIX в., в частности для святителя Игнатия (Бренчанинова) [Ипатов 2004].

Нарушают жанр проповеди в данном случае лишь тема речи (белостокский погром), которая должна отталкиваться от церковного события, и общественно-политическая лексика и фразеология: *государственность, общественность, расшатанность властей, патриотизм, партизанская война*.

В выступлениях другого представителя православного духовенства — священника Воздвиженского — отдельные элементы религиозно-проповеднического стиля сочетаются с большим количеством разговорных и стилистически сниженных элементов. В речах присутствует возвышенная лексика и фразеология: *день и ночь, церковь Божия, храм Божий, воздать должное. Вы, господа народные представители, и не можете представить, с какой радостью и веселием встретит вас многомиллионная крестьянская семья и воздаст вам должное за ваши хлопоты и страдания* [Государственная Дума, 2: 876]. Обращает на себя внимание и стилистически маркированный синтаксис, основанный на инверсии: *надобность неотложная, слезы горькие, на свадьбе крестьянской*. Эти приемы, видимо, должны напоминать слушателям, что перед ними выступает духовное лицо: *Тяжело и очень тяжело просить деньги в то время, когда видишь перед собою слезы горькие семьи, лишившейся своего кормильца... Или при радостных крестьянских событиях, например, на свадьбе крестьянской, когда прихожане закладывают все свое достояние, продают весь свой труд чуть не даром...* [Государственная Дума, 2: 877]

В то же время нельзя не заметить обилие лексики и фразеологии бытовой сферы употребления: *куча детей, свинья, поросята, корова, теленок, житье-бытье*. Удивляет не только наличие такой лексики в публичной речи священнослужителя, но и ее продуктивность: доходит до того, что эта лексика образует диминутивы (*скотинка, молочко, худенькая коровка, деньжонки, просючок*): *Бывает и так, что крестьянин кормит свое излюбленное животное — просука или теленка — лучше себя и малолетних детей молочком при одной худенькой коровке. Спрашиваешь: почему? В ответ получишь: откуда взять деньжонок, поневоле будешь кормить так просючка или теленка лучше себя, чтобы продать и получить немного деньжонок, ведь у себя нет ни обуви и ни одежды, у детей тоже* [Государственная Дума, 2: 876]. Как видно из приведенного примера, оратор свободно вводит в свое выступление и диалектизмы (*просук — ряз., моск., пенз., сарат. поросенок, ка-*

бан или боров, а также свинья до первого опороса [СРНГ, 32: 258]), что само по себе немислимо в православной проповеди. Присутствие в высказывании разговорных и даже просторечных выражений призвано, скорее всего, показать аудитории близость оратора к народу и убедить тем самым слушателей в правоте излагаемой позиции: *За переходом земли к крестьянам они за неимением денег будут поставлены в самое затруднительное положение: скорее всего, к ним явятся ходатаи или просто кулаки, готовые во всякое время дать нуждающимся денег под будущий урожай хлеба, а как дать? Рубль за рубль проценту* [Государственная Дума, 2: 876].

Речи Воздвиженского не имеют строгой традиционной структуры рассуждения на духовную тему, не тяготеют ни к хрии, ни к проповеди. По композиции выступления больше напоминают свободное спонтанное изложение мыслей по какому-либо вопросу, соединенных метатекстовыми маркерами. Например, одна часть может быть присоединена к другой при помощи фразы *На этом, народные представители, я хотел закончить свою речь, но в заключение напомню вам, что...* [Государственная Дума, 2: 877]. От проповеди в выступлениях Воздвиженского осталась традиционная концовка-пожелание: *Оправдаем же доверие к нам 140-миллионного населения. Дай Бог исполнить нам это святое дело!* [Государственная Дума, 2: 877].

По всей видимости, подобное смешение высокого, церковного с низким, бытовым даже в пределах одной речи не вызывало у депутатов удивления. Рождалась новая сфера речевого общения, и такие выступления расценивались, скорее всего, как попытки найти новый жанр в пространстве между старым, давно известным и новым, пока еще мало знакомым.

Одним из самых активных православных священнослужителей в думской дискуссии был священник Афанасьев. Его речи в парламенте пользовались огромным успехом у депутатов: стенограммы заседаний фиксируют, что выступления Афанасьева постоянно прерываются аплодисментами, а в заключение почти всех его речей аудитория устраивает оратору овацию. Секрет популярности речей Афанасьева — в невозможном ранее сплаве опыта православной проповеди с митинговой речью. Важно заметить, что **митинговость** в начале XX в. была неотъемлемой чертой отечественной парламентской коммуникации. Вполне возможно, что тяга к митинговым моделям коммуникации является устойчивой чертой русского парламентского дискурса вообще. Для подтверждения данной гипотезы еще предстоит проанализировать современную российскую парламентскую речь, однако уже сейчас можно утверждать, что митинг как образец речевого поведения был одним из источников русского парламентского красноречия.

Как следует из биографии этого депутата, священник из области Войска Донского Клавдий Иванович Афанасьев не ограничивал свою деятельность в приходе исключительно духовными делами, но был еще и ярким общественным деятелем: вел народные чтения, открывал народные библиотеки и читальни. После революции 1905 г. его действия стали еще более решительными. Известно, что Афанасьев устраивал митинги, на которых произносил речи об освободительном движении в России, а также обличал казаков. Вследствие этого священник подвергся преследованиям со стороны светских и духовных властей [Государственная Дума первого призыва: 24]. Казалось бы, невозможно в пределах одного выступления соединить абсолютно противоположные жанровые образования — проповедь и речь на митинге. Однако Афанасьев сделал такое соединение основой чертой своего идиостиля.

В качестве фундаментального признака уличного митинга, организующего текстовое пространство митинговой речи и пронизывающего как вербальный, так и акциональный его коды, исследователями выделяется семиотическая оппозиция «свой / чужой» [Китайгородская, Розанова 2003: 196]. В речах Афанасьева данная оппозиция проявляется регулярно: под «своим» в первую очередь понимается Государственная дума, «чужое» же, как и принято в митинговой речи, обрисовано более четко и включает в себя членов правительства и депутатов правых партий: *Почему эти продолжатели политики Дурново в настоящее время продолжают казнить, казнить без всякого милосердия? Или, может быть, презрев все законы человеческие и божеские, они ввергли страну в вакханалию, в ужасы убийства и смертных казней? Теперь что же приходится сказать им?* [Государственная Дума, 2: 907]. В данном высказывании семиотическая оппозиция реализуется при помощи указательного местоимения *эти*, а также местоимения *они* в функции первичной номинации для недифференцированного, обобщенного обозначения врага. Такое употребление данного местоимения с нивелированием анафорической функции является типичным для митинга [Китайгородская, Розанова 2003: 212]. Интересно то, что в речи этого священника данная семантическая оппозиция, по всей видимости, выросла из проповеднической оппозиции «божественное / дьявольское». По крайней мере, такое предположение можно сделать на основе сохранившихся связей между этими дихотомиями: *Для меня, как служителя Бога, Бога свободы, любви и милосердия, для меня, говорю я, совершенно непонятен тот ответ, который сейчас прочитал нам главный военный прокурор... Мы живем теперь во времена Того, Кто сказал: „Поднявший меч от меча и погибнет“, мы живем во времена, когда сказано: „Несть больше любви, когда кто душу положит за други*

своя“. Я спрашиваю, разве в это время применимы те „точные основания“ военных законов, о которых возглашал главный военный прокурор? [Государственная Дума, 2: 906]. *Бог когда-то заклеил печатью проклятия первого братоубийцу Каина; скоро разразится гнев Божий и над этими насильниками правды и свободы (бурные аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 907].

Конситуативная обусловленность высказывания, характерная для митинга [Китайгородская, Розанова 2003: 212], пересекается с евангельскими реминисценциями и порождает столкновение в рамках одного развернутого высказывания двух нравственных и темпоральных измерений: измерения «вечного и неоспоримого», которое эксплицируется цитатой из Библии, и измерения современного политического с реальными действующими лицами: *Что же касается этих патриотических манифестаций, то я предоставляю право разобраться в них тем, у кого есть глаза, но теперь пока они не видят, у кого есть уши, но теперь пока не слышат! Во имя ведь этого патриотизма нас затянули в русско-японскую войну, и к чему она привела? Она привела к Цусиме, Мукдену, несмываемому позору (аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 1318]. Общественно-политическая лексика и фразеология — *революционеры, патриотизм* и даже агрессивно-уничажительное *патриотическое кликушество* (функционалирование в Думе слов *патриот, патриотизм* подробно исследовала Л. М. Грановская) — соседствует с церковнославянскими цитатами из Священного Писания. Естественно, оратор находится на позиции «неоспоримого, вечного», «божественного», что позволяет не просто отождествиться со «своим», но и продемонстрировать аудитории неоспоримость приводимых доводов. Так цитата из Евангелия становится важным светским аргументом к авторитету.

Инклюзивное «мы», которое характерно для проповеди и которое в этой функции использовали некоторые ораторы-священники, Афанасьев употребляет по-другому: у него «мы» — это крестьяне, казаки и депутаты. Такое «мы» актуально только для противопоставления с «они». Проповедническое отстранение от текста получает новый смысл: оратор теперь передатчик не воли Бога, а воли сословия, политической партии и целой страны: *Первый раз страна в лице народных представителей выразила недоверие г.г. министрам. Во второй раз она советовала министрам уйти в отставку. Что же сказать им в третий раз?* [Государственная Дума, 2: 907].

Яркие приметы митинговой речи — инвективность и персонифицированный характер негативной оценки [Китайгородская, Розанова 2003: 235] — сильнее всего проявляются именно в речах Афанасьева. Это тем более интересно, что ораторы-дворяне и даже крестьяне

позволяли себе такое в I Думе гораздо реже. Основное орудие речевой агрессии — сарказм. Вместе с тем на синтаксическом уровне целый каскад анафор и риторических вопросов нагнетает пафос негодования: *В то время, как в Севастополе разгорелось освободительное движение, в то время, как в Севастополе в конце этого движения был казнен легендарный боец за свободу Шмидт (бурные аплодисменты), то один из министров, ушедших с этих скамей, разослал нам, священникам, циркуляр, чтобы мы не смели молиться об этом легендарном борце за свободу (аплодисменты). Теперь я спрашиваю, почему этот молитвенник земли русской, Дурново, почему он просмотрел тот краеугольный камень конституции, о котором говорил нам епископ Ропп, — о заповеди „Не убий“? [Государственная Дума, 2: 906 — 907].* Важно заметить, что сарказм часто достигался за счет иронического употребления именно церковнославянской лексики. Например, главный военный прокурор **возглашал** о точных основаниях военных законов.

Необходимо отметить еще один важный признак митинговой речи, который характерен и для выступлений Афанасьева, — большая доля воспроизводимого текста [Китайгородская, Розанова 2003: 235]. В первую очередь имеется в виду построение высказывания вокруг ряда значимых цитат из текстов «своих» и «чужих». Любимая рассматриваемым оратором кольцевая композиция текста в сильных позициях — вступления и заключения — очень часто содержит фрагменты высказываний членов правительства: *Если резюмировать все сказанное им <главным военным прокурором>, то ответ его сводится к следующему: **смертные казни были проведены на точном основании военных приговоров. Но что же это за „точное основание“** незаконного закона? ...Я спрашиваю, разве в это время применимы те **„точные основания“** военных законов, о которых возглашал главный военный прокурор?... Страна взволнована ужасами, произволом и насилием, она уже стала полужоном к своим насильникам, и если они будут продолжать свою политику и станут к ней лицом к лицу, то я думаю, что им не устоять на своих **„точных основаниях“** (бурные аплодисменты) [Государственная Дума, 2: 906—907].*

Проанализированный материал свидетельствует о том, что священнослужители в Думе по-разному адаптировали свой опыт духовного красноречия к светскому полемическому красноречию. Речь православных священников в первом русском парламенте неоднородна. Намечены минимум три пути развития дискуссионной речи священника, причем отправной точкой для всех послужила проповедь:

1) модификация проповеди как жанра, связанная с изменением ее тематики и употреблением общественно-политической лексики (ядро духовной дискурсной формации);

2) сочетание отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля, прежде всего лексики и фразеологии, с разговорным стилем и сниженной лексикой, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к этосу для создания образа оратора как человека, близкого к народу (центральная зона духовной дискурсной формации);

3) соединение отдельных элементов религиозно-проповеднического стиля с митинговой речью, использование речевых приемов проповеди в качестве аргументов к пафосу для эмоционального воздействия на аудиторию (периферия духовной дискурсной формации).

С увеличением дискуссионного опыта парламентариев структура поля духовной дискурсной формации менялась: уже во II Думе намечается смещение ядра в периферийную зону и выход на первый план элементов центра и периферии по причине их яркости, живости, эмоциональности и дискуссионного потенциала.

Похожие процессы наблюдались и в выступлениях депутатов-крестьян. Ядро крестьянской дискурсной формации поначалу составляли речи крестьян «от сохи», не участвовавших ранее в политической борьбе. Такие крестьянские выступления характеризуются высоким уровнем спонтанности, нарушением логики изложения, эллиптичностью, наличием сниженной просторечной лексики и специфических образов. Этот речевой лубок чаще всего был крайне неэффективным с точки зрения воздействия на аудиторию, а иногда и просто демонстрировал некомпетентность депутата, его неумение и нежелание отойти от бытового взгляда на проблемы. Неудивительно, что некоторых ораторов-крестьян Дума поднимала на смех. Например, смехом и аплодисментами была встречена речь крестьянина Кругликова в прениях по вопросу о наделении женщин равными гражданскими правами с мужчинами: *...Если же и бабам равные права дать, что же тогда выйдет? Чем же мужики должны заниматься тогда? Баб, стало быть, на сходку посылать? И в поле, стало быть, их посылать? И в солдаты отдавать? А мужикам дома быть? Если так, что и в солдаты их брать, тогда можно права дать, а если на то только права давать, чтобы им старшинами и на сходках бывать, то крестьяне не согласны права бабам дать... Господь сотворил Адама, а Еву ему помощницей, но не на равных правах. И потом еще апостол Павел сказал: „Да убьется жена своего мужа“ (смех, аплодисменты). А нас, крестьян, заставляют бабам равные права дать?! [Государственная Дума, 1: 218].*

Однако постепенно доминировать в парламентской коммуникации стали депутаты, которые были крестьянами лишь по происхождению, а в действительности занимались марксистской пропагандой. Речь этих депутатов помимо митинговой направленности содержали еще и особый «крестьянский колорит», который

представлял собой манипулирование образами земли-матери, нищего, угнетенного крестьянина, сытого помещика, живущего крестьянским трудом. При этом речевая агрессия только возрастала, заменяя собой рациональные аргументы в пользу той или иной точки зрения, необходимые для продуктивной парламентской дискуссии. Упомянутые крестьянские образы постоянно использовал в своих речах Дмитрий Илларионович Назаренко, крестьянин, окончивший двухклассное училище и большую часть своей жизни прослуживший лесничим. Несмотря на низкий уровень образования, Назаренко вел политическую пропаганду среди крестьян, за что и был арестован. В его выступлениях образ земли-матери является не органичной метафорой, отражающей картину мира оратора, а своего рода наложением на речь извне, так как данный образ служит исключительно средством речевой агрессии. *Назаренко: Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что как для детей необходима грудь матери, так для нас, крестьян, — земля. С этой точки зрения мы только и рассуждаем о земле. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков... (Аплодисменты) Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит, — землю (Аплодисменты)* [Государственная Дума, 1: 141]. Отличительной чертой выступлений депутатов, избранных от крестьянской курии, но не занимавшихся земледелием, является постоянное акцентирование внимания аудитории на собственном крестьянском происхождении и на защите интересов крестьянства.

Еще одна важная черта парламентской коммуникации начала XX в. — **ведущая роль речевой агрессии в развитии дискуссии**. Речевая агрессия в политическом общении — это «речевые акты и коммуникативные ходы, направленные на причинение ущерба политическому противнику» [Шейгал 2004: 230]. Речевая агрессия, в отличие от других средств отрицательной оценки, направлена на «понижение социального (политического) статуса объекта» [Шейгал 2004: 230—231]. Вербальная агрессия в I Государственной думе была генетически связана с митингами и революцией 1905 г. Большинство депутатов Думы были свидетелями, а ряд народных представителей — и непосредственными участниками крупнейших в истории России митингов, прошедших в 1905 г в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Дума унаследовала митинговый пафос — особую реализацию гражданского пафоса, суть которой заключается в последовательном коллективном нагнетании эмоций, отодвигающих на второй план информационную составляющую речевого общения.

В Государственной думе 1906 г. вербальная агрессия была структурированным явлением, которое не возникало спонтанно и не исчезало бесследно. В масштабах всей дискуссии при помощи речевой агрессии поддерживался единый модальный (эмоциональный) план думского текста. Например, одно из сложных полемических целых на тему исполнения в России смертных приговоров за политические преступления состояло из тринадцати выступлений депутатов. Толчком к возникновению речевой агрессии послужил доклад военного министра, содержащий достаточно резкий отрицательный ответ на запрос Государственной думы о необходимости приостановления смертных казней. Сразу по окончании выступления докладчик демонстративно покинул Таврический дворец, что привело к усилению депутатского гнева. Первое же высказывание после доклада министра содержит отрицательную оценку услышанного. При этом возмущение оратора передается вопросительными синтаксическими конструкциями. *Кузьмин-Караваев: В сущности, что мы выслушали? Разве мы выслушали ответ на запрос? Государственная Дума спрашивала военного министра, какие приняты им меры для того, чтобы было приостановлено исполнение смертной казни. А в ответ что мы услышали?... Он <военный министр> только показал свою деятельность... я не смею назвать, какое отношение к Государственной Думе... (Долго несмолкающие аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 902—903]. В последней фразе используется прием умолчания, который был очень распространен в I Думе, однако для оценки правительства употреблялся чаще всего на стадии зарождения коллективной речевой агрессии в полемике.

Эмоциональную кульминацию дискуссии составляют несколько следующих подряд депутатских речей. В одной из них максимальная степень речевой агрессии достигается путем снижения косвенности инвективы (обращение непосредственно к объекту агрессии) и использованием ярлыка-обвинения. *Недоносков: Я думаю, что все, что мы слышали, дает нам право сказать: — убийцы! дайте же нам работать. Перестаньте лить кровь, уйдите в отставку! (Аплодисменты)* [Государственная Дума, 2: 912]. В следующем выступлении агональность речи основывается на эффектном приеме эвфемизированной угрозы физической расправы. *Бабенко: Я должен сказать: пусть уйдут наши министры... пусть уйдут, иначе наших министров может постигнуть та же участь, которая постигла офицеров на „Князе Потемкине Таврическом“* [Государственная дума, 2: 912]. Данные примеры свидетельствуют, что речевая агрессия в I Государственной думе была коллективной и представляла собой не отдельные вспышки брани, а динамичную систему, развивавшуюся по принципу нарастания снежного кома: от наименее агрессивных вы-

ступлений в начале дискуссии к наивысшей степени агрессии в высказываниях, составляющих кульминацию полемики целого.

Эмоциональность думских выступлений начала XX в. связана с еще одной интересной деталью. С первого же заседания первого российского парламента проявилось **стремление** депутатов не столько к обсуждению конкретных законов, сколько к **формулированию политической повестки дня**. Для Думы был актуален не политический дискурс как таковой, а дискурс о дискурсе. По-видимому, это было связано с несколькими причинами. Во-первых, Дума имела не законодательный, а законосовещательный статус и парламентарии были ограничены в своей правовой инициативе. Во-вторых, депутатам было важно правильно сформулировать проблему, расставить акценты, договориться о терминах, тем более что до созыва парламента делать это разнонаправленным политическим силам публично и глядя друг другу в глаза было невозможно. Поэтому целые заседания были посвящены эмоциональному, дискуссионному оттачиванию формулировок.

На первом же заседании Государственной думы рассматривался вопрос о включении в ответный адрес на Тронную речь требования об амнистии политических заключенных. Открывал дискуссию Ф. М. Родичев, для которого амнистия — это «желание и мольба народа», и пока еще есть возможность высказать эту мольбу народа именно в форме пожелания. Кроме того, амнистия — это еще и всепрощение, которое может быть даровано щедрой рукой, «акт высшей политической мудрости». Амнистия, всепрощение — лучшее наказание для политических преступников, которыми руководило «...не низменное своекорыстие, а увлечение» [Государственная Дума, 1: 51—52]. От этого выступления отталкивается следующая речь, в которой амнистия понимается не как всепрощение, а как акт справедливости. *Аникин: Вы слышали здесь блестящую речь. Вы слышали призыв к милосердию, я не буду так говорить, я не буду говорить о милосердии, я буду говорить о справедливости. Здесь говорили о том, что нужно простить заблудших, а я скажу — нужно освободить невинных. Может быть, там и есть заблудшие... (Аплодисменты), но там невинных больше...* [Государственная Дума, 1: 52]. Следовательно, необходимость амнистии должна быть высказана не в форме пожелания, а в форме требования. Следующее выступление связано с обеими предшествующими речами. *Аладьин: Господа народные представители! Я не буду говорить вам ни о прощении, ни о справедливости. Я обращаюсь не к вам, я знаю, что среди вас не найдется ни одного, который осмелился бы подумать о том, что мы не должны дать так называемой амнистии* [Государственная Дума, 1: 53]. Для Аладьина амнистия — не прощение и не справедливость, а «последний случай, по-

следняя возможность понять нас <крестьянство и весь народ> и примирить» [Государственная Дума, 1: 53].

Четвертая речь также отталкивается от трех предыдущих. В скрепе явственно прослеживается негативная оценка оратором предыдущих выступавших. *Ершов: Господа народные представители! Я обращаюсь к вам как депутат от рабочих. Я не обладаю тем красноречием, которым иногда пользуются для того, чтобы завоевать симпатии...* [Государственная Дума, 1: 53]. Ершов в своей речи акцентирует внимание депутатов на том, что амнистия, помимо всего прочего, должна быть немедленной. В следующем выступлении оратор подчеркивает, что необходимость амнистии должна быть высказана в ответном адресе исключительно в форме требования. *Жилкин: Я стыжусь обращаться к вам с такой просьбой и требованием, с каким обращались все предыдущие ораторы. Я никак не могу допустить, чтобы громадное подавляющее большинство единогласно не потребовало бы амнистии!* [Государственная Дума, 1: 54].

Подобное формулирование в Государственной думе почти всегда носило тавтологический характер: депутаты повторяли точку зрения друг друга, переформулировали ее, приводили одни и те же аргументы, но дискуссию не прекращали. При чтении стенограмм складывается ощущение нерационального использования депутатами времени и возможностей. Скорее всего, депутаты нередко просто наслаждались возможностью публично высказаться о проблемах государства и власти. Чаще всего эти высказывания носили негативный по отношению к правительству характер. За 72 дня работы Первой Государственной думой был принят 391 запрос о незаконных действиях правительства, а одобрено всего лишь 2 законопроекта. Публичное обсуждение власти в сознании депутатов было выше и полезнее, чем публичное осуществление власти.

В этом плане интересны результаты наблюдения за функционированием в I Думе ключевого слова «власть». Относительно новым является наличие в сознании ораторов разделения властей на *верховную* (Император), *исполнительную* (Совет министров) и *законодательную* (Дума). При этом депутаты требовали изменения существующей иерархии властей в связи с появлением Думы: *исполнительная власть да покорится власти законодательной*. Однако чаще всего слово *власть* произносилось именно по отношению к исполнительной власти, т. е. к министрам. Сами депутаты предпочитали называть себя не *представителями власти* (это словосочетание обозначало министров), а *представителями народа*, соответственно *власть* мыслилась как нечто далекое от Думы. Об этом свидетельствуют обороты типа *там, у власти*. *Власть* имела свои *орудия*, основными из которых были преступления и по-

громые. Понятно, что при таком понимании *власти* депутаты в своих речах стремились от нее дистанцироваться. Схожая ситуация была со словом *правительство*, которое в строго юридическом смысле обозначало как Совет министров, так и Думу. Однако в парламентской дискуссии это слово изначально закрепилось только в значении «Совет министров», так как депутаты не желали называть свой орган власти правительством. Отсюда именование типа *продажное правительство, преступное правительство*.

Интересные явления можно наблюдать и в области синтаксиса высказываний депутатов: обилие риторических вопросов, их использование в особой функции катализатора дискуссии [Громыко 2010а], использование бинарных синтаксических конструкций, побудительных высказываний [Громыко 2010б] создают особый эмоциональный фон дискуссии. В целом же можно сказать, что российская парламентская коммуникация начала XX в. дает представление об истоках русской парламентской речи, механизмах ее формирования, основных тенденциях развития и устойчивых моделях речевого общения, повторяющихся из парламента в парламент. В качестве специфических черт парламентской коммуникации в начале XX в. следует назвать наличие сословных дискурсных формаций, митинговость, ключевую роль речевой агрессии, доминирование публичного обсуждения власти над публичным ее осуществлением.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс. — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.
- Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. № 6. С. 108.
- Государственная Дума. 1906—1917. Стенографические отчеты / под ред. В. Д. Карповича. — М.: Фонд «Правовая культура», 1995. Т. 1.
- Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Заседания 19—38. — СПб., 1906. Т. 2.
- Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. — М., 1906.
- Грановская Л. М. Риторика. — М.: Азбуковник, 2004.
- Громыко С. А. «Величайшее орудие воздействия на людей»: о риторическом руководстве Н. Абрамова «Искусство излагать свои мысли» // Русская речь. 2005. № 5. — С. 89—94.
- Громыко С. А. Зачем политику риторический вопрос? (особенности парламентской дискуссии начала XX века) // Русская речь. 2010а. № 4. С. 76—80.
- Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года / С. А. Громыко ; ВГПУ. — Вологда, 2010б.
- Ипатова С. Н. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия) : автореф. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2004.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Гнозис, 2002.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. С. 151—240.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое — чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. № 1. — М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995.
- Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993.
- Культура парламентской речи / под ред. Л. К. Граудиной. — М.: Наука, 1994.
- Михальская А. К. Основы риторики. — М., 1996.
- Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио ; пер. с фр. — М.: Прогресс, 1999. — С. 302—336.
- Политология : энцикл. слов. / под ред. А. И. Аверьянова. — М., 1993.
- Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003. — С. 341—363.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. — М.: Прогресс, 1999. — С. 29.
- Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ратора : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта ; Наука, 2006.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- СРНГ = Словарь русских народных говоров. — СПб.: Наука, 1998. Вып. 32.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Г. В. Судаков